

Ростовская ГТАРИНА

Выпуск Ростовского отделения ВООПИК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 135

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Из истории ростовского купечества

Мясниковы

Вряд ли найдется в Ростове человек, которому хотя бы однажды не пришлось переступить порог дома, принадлежавшего в XIX веке 1 гильдии купцу и почетному гражданину Ф.Б. Мясникову. Вот уже почти 150 лет это величественное здание является одним из корпусов ростовской больницы (ул. Ленинская, 40). Первоначально 2-этажный с мезонином, в 1960-е гг. получивший 3-й этаж, дом весь пропитан специфическим запахом медицины, пронизан болью, страданиями и почти полностью утратил свое былое великолепие убранства и планировку. Между тем, двести лет назад это был самый роскошный особняк в Ростове, и здесь в 1818 г. останавливалась мать императора Александра I Мария Федоровна, а для приема этот дом был выбран ярославским губернатором Г.Г. Политковским. Высочайшая гостя приняла местное дворянство, отобедала, причем на своей посуде, со свитой (30 человек). Хозяину пожаловала бриллиантовый перстень, хозяйке - бриллиантовые серьги. В 1831 у Мясникова останавливался император Николай I, где принимал гражданских чиновников и купечество, в 1842 г., уже после смерти владельца - митрополит Киевский и Галицкий Филарет.

Размах коммерческой деятельности хозяина «путевого дворца» Федора Борисовича (род. ок. 1752-1836) и его потомков в истории ростовского купечества аналогов не имеет. Происходивший из экономический крестьян с. Юрьевская Слобода, Ф.Б. вначале скупал по деревням скот и был простым мясником. Начав с небольшой мясной торговли, в 1787 г. он записался во 2-ю гильдию ростовского купечества и, обладая недожинным умом и энергией, обратился к очень рискованному, но наиболее выгодному тогда виду торговой деятельности - винным откупам, приносящим до 100% дохода, и в этом очень преуспел. С 1808 г. и до конца жизни он состоял в 1 гильдии купечества. Ежегодно предъявляемый им капитал составлял 50100 р., был сначала общим с сыновьями, затем собственным. В 1828 г. Ф.Б. построил в родном селе каменную пятиглавую церковь во имя великомученика Георгия и св. Феодора Стратилата, прихожанином которой являлся. В 80-е гг. XIX в. А.А. Титов писал: «... на местном кладбище, близ самой церкви, погребен рядом с своей супругой строитель храма, бывший ростовский городской голова, в доме которого останавливался император Александр I. Неблагодарные наследники, получив миллионы,

не поставили на могиле своего благодетеля даже простого деревянного креста. Могила хранилась в траве и почти сравнялась с землей...». Сама церковь разрушена в советское время.

После смерти Ф.Б. в 1836 г. дом перешел его наследникам, сыновьям Ивану, Никите и Николаю, во много раз приумножившим капитал отца. Владельцы винных заводов, винные откупщики, золотопромышленники, они названы среди крупнейших сибирских купцов 1830-40-х гг. Примечательно, что, проживая много лет в разных городах России и действуя в Сибири, Иван и Никита до 1833 г. являлись прихожанами родового храма и до конца жизни числились в ростовском купечестве - значит, платили налоги родному городу. По самым скромным подсчетам, это составляло не менее 20 тыс. р.

Иван Федорович (1780 - ок. 1856), купец 1 гильдии, почетный гражданин и коммерции советник утвердился в Санкт-Петербурге. От единственного сына **Константина** (1806-1840), который был уже дворянином, инженер-капитаном, имел двоих внуков, сделавших блестящую карьеру. **Александр** (род. ок. 1830) в 39 лет имел чин ротмистра и был адъютантом Начальника Третьего отделения. **Иван** (род. ок. 1831) - коллежский ассessor, надворный советник, был Почетным смотрителем С-Петербургского Вознесенского училища.

В 1850-60-е годы они жили в Петербурге на ул. Знаменской (ныне ул. Восстания, № 45) в великолепном доме, построенном в 1857-59 гг. в стиле барокко по проекту арх. А.П. Гемелиана, с флигелем и садом (позднее этот дом принадлежал разным владельцам, а с 1959 г. в нем размещалась кож-вен больница; он считается памятником регионального значения).

Братья были единственными наследниками клана Мясниковых, миллионеры. Им принадлежало огромное имущество, разбросанное по всей европейской части России (винные заводы, вологодские и херсонские винные откупа, именные, рыбные ловли, мебельные салоны и мастерская в Петербурге). В 1858-1871 гг. они оказали замешанными в дело «О подлоге завещания от имени Козьмы Васильевича Беляева», и карьера их рухнула, но в 1869 г. они успели подарить ростовскому городскому обществу свой родовый дом со всей обстановкой, и с тех пор в нем размещалась больница. За это им было присвоено звание ее почетных попечителей, но в даль-

нейшем братья Мясниковы отнюдь не проявляли себя в Ростове никак себя не проявляли.

Средний сын Ф.Б. Мясникова - **Никита Федорович** (1781-1847) - 1 гильдии купец, почетный гражданин и коммерции советник, почти постоянно жил в Сибири. У него были дома в Ялуторовске и Красноярске. Крупнейший винный откупщик, один из самых удачливых золотопромышленников (владелец 44 приисков), Никита Федорович является основателем пароходного движения по рекам Обского бассейна и озера Байкал, вложившим в заведение пароходов и барж ок. 600000 р. Первый его пароход назывался «Император Николай I», второй - «Наследник Цесаревич». Грузооборот и, соответственно, доходы Н.Ф. в 1845-17 гг. стремительно росли, но после его смерти имущество унаследовал старший брат Иван, который, живя в Петербурге, управлял имуществом и делами в Сибири через доверенных лиц. Очевидно, поэтому пароходное дело пришло в упадок.

Никита Федорович известен и как благотворитель. В 1842 г. он купил в Ялуторовске дом для размещения в нем 3-классного приходского училища. В 1844 г. на его средства в Тобольском Софийско-Успенском храме был установлен памятник святителю Иоанну Митрополиту Тобольскому и всея Сибири чудотворцу.

Н.Ф. Мясников скончался в Петербурге и погребен в Александро-Невской Лавре. В 1885 г. близ места его упокоения был возведен храм Сошествия Святого Духа. Эта церковь-часовня была построена и содержалась на средства уроженца Ростова, санкт-петербургского купца-миллионера Алексея Леонтьевича Кекина над могилой его сына Максимилиана. Случайно ли соседство этих двух захоронений?

Младший сын Ф.Б. - **Николай Федорович** (1793 - ок. 1855), в отличие от своих бра-

тьев, с 1830-х гг. числился в 1 гильдии красноярского купечества и жил в Красноярске, главном городе Енисейской губернии. Золотопромышленник. В 1852 г. ему принадлежало 26 приисков. В Красноярске на главной улице Воскресенской по проекту арх. А.А. Фальбаума он построил великолепный каменный 2-этажный особняк. Известно, что посетитель поразилась обстановкой дома: паркетные полы, двери из орехового и красного дерева, покрытая штофом и бархатом мебель, огромные, во всю высоту стен, зеркала, мраморные плевательницы с золотым ободком. Все это стоило хозяину 15000 р. С именем Николая Федоровича связан целый ряд колоритных красноярских преданий. Например, будто по воскресеньям он ходил в Воскресенский собор по мосткам, устланным красным сукном, свои визитные карточки делал из чистого золота, и стоили они 5 р., а жене Енисейского губернатора В.К. Падальки, известного своей неподкупностью, сумел подарить огромные лапти из чистого золота. Красноярский краевед Л. Киселев считает, что это - сплетни, придуманные завистниками удачливого купца. Есть сведения, что в 1845 г. для устройства в г. Иркутске Девичьего института Ник. Ф. пожертвовал 10000 р. и выделял средства на содержание стипендиатов. Никаких сведений о его потомках обнаружить не удалось. В его доме на бывшей Воскресенской улице (ныне ул. Мира) размещалась 1 городская клиническая больница.

В Ростове о богатейших купцах Мясниковых напоминают ныне лишь их перестроенный дом, на фасаде которого до революции помещалась вывеска «Ростовская Мясниковых больница».

Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

Гостиница «Лион»

В центре Ростова находится дом (ул. 50 лет Октября, 11), обладающий долгой и сложной историей.

Первоначально это здание состояло из двух самостоятельных, стоящих рядом домов, принадлежавших двум разным владельцам. Фасады домов были одинаковыми по размерам. На чертежах видно, что оба дома, как и все дома данного квартала, имели в первом этаже открытую галерею.

Дом, составляющий западную половину нижней двухэтажной части нынешнего здания, в конце XVIII - начале XIX вв. принадлежал купцу Василию Михайловичу Хлебникову.

В 1792 г. он состоял в совместном владении купцов Василия Михайловича Хлебникова и купца Никиты Алексеевича Хлебникова. В документе, представленном в Ростовскую городскую думу, последний писал: «Ростовской второй гильдии купец Никита Алексеев сын Хлебников сим на требование оной думе показал, что имеющиеся у меня обще с таким же купцом Василием Михайловичем сыном Хлебниковым во владении состоящий внутри здешней градоу крепости один каменный с лавками дом, с коего я выгоды получаю, построен мною в 787

му времени получил дополнительный третий этаж с мезонином.

Между 1943 и 1852 гг. оба дома перешли к одному владельцу Петру Васильевичу Хлебникову, который входил в число наиболее богатых купцов Ростова того времени. Тогда же, видимо, началась капитальная перестройка обоих домов. В результате ее западный дом утратил свой мезонин, а восточный - надстроен третьим этажом до высоты западного дома. Полностью видоизменены были и их отдельные фасады. Теперь они слились в один фасад, наделенный единым художественным оформлением. Можно думать, окончанию перестройки дома П.В. Хлебникова помешал большой пожар 1852 г., сильно повредивший многие здания центральной части города.

Обращает на себя внимание знаменательное указание источника 1863 г. на то, что рассматриваемый дом в то время являлся «неотстроенным». Там же более конкретно сказано: «верхний этаж еще не отделан». Значит, к 1863 г. перестройка дома еще не была завершена. Оказалось, что дом простоял «неотстроенным» вплоть до 1904 г., причем за это время он несколько

раз менял владельцев. В 1865 г. дом перешел во владение «почетным гражданам» Николаю и Сергею Хлебниковым, в 1869 г. дом стал принадлежать одному Николаю Хлебникову, который им владел до 1884 г. В этом году дом приобрел «Ярославско-Косромской Земельный Банк». В 1886 г. дом купил «купеческий сын» Петр Иванович Рыкунин. Именно он и завершил строительство дома в 1904 г. После смерти П.И. Рыкунина в 1906 г. дом перешел к его наследникам. В 1909 г. 19/28 частей дома уже принадлежали ростовскому купцу Федору Антоновичу Губичеву, а 9/28 дома остались наследнику предшественника домов. Его нижний этаж занимали лавки с тремя сквозными арками открытой галереи. Второй жилой этаж имел по фасаду шесть окон. Наружное оформление дома, очевидно, было выдержано в стиле раннего классицизма.

Восточную половину двухэтажной части рассматриваемого здания составлял в конце XVIII - начале XIX вв. дом, первоначально принадлежавший купцу Андрею Михайловичу Серебренникову. По его заказу тот «каменный с лавками» дом был построен в 1789 г. В 1792 г. в доме проживал брат А.М. Серебренникова Алексей Михайлович Серебренников, который к рубежу XVIII и XIX вв. стал его полным владельцем. Первоначально дом А.М. Серебренникова, видимо, напоминал вышеописанное здание, то есть был двухэтажный, с лавками в первом этаже.

К 1836 г. оба дома уже поменяли своих хозяев. Дом, обращенный к западу (бывший Н.А. Хлебникова), теперь принадлежал братьям купцам Ивану Васильевичу и Петру Васильевичу Хлебниковым, а обращенный к востоку (бывший А.М. Серебренникова) - «мещанской вдове Марфе Гавриловой с сестрами и наследницами Федорой и Марией Кайдаловыми.

Последнее здание охарактеризовано в документе 1836 г. как «каменный двухэтажный дом с надворным строением и землей». Видимо, со времени строительства облик его к 1836 г. существенно не изменился. Напротив, дом братьев Хлебниковых к это-

году по утверждению ярославским наместническим правлением декабря 11 декабря 1780 года сочиненному оном города Петровска городничим коллежским ассessorом Иваном Сукиным имеющемуся у меня плану».

Таким образом, рассматриваемый дом был построен по заказу Н.А. Хлебникова, в 1787 г., и принадлежал, видимо, тогда ему целиком. К 1792 г. часть дома перешла во владение В.М. Хлебникова, а к рубежу XVIII и XIX вв. дом полностью стал принадлежать этому купцу.

По всей видимости, первоначально рассматриваемое здание мало отличалось от соседних купеческих лучше сохранившихся домов. Его нижний этаж занимали лавки с тремя сквозными арками открытой галереи. Второй жилой этаж имел по фасаду шесть окон. Наружное оформление дома, очевидно, было выдержано в стиле раннего классицизма.

Восточную половину двухэтажной части рассматриваемого здания составлял в конце XVIII - начале XIX вв. дом, первоначально принадлежавший купцу Андрею Михайловичу Серебренникову. По его заказу тот «каменный с лавками» дом был построен в 1789 г. В 1792 г. в доме проживал брат А.М. Серебренникова Алексей Михайлович Серебренников, который к рубежу XVIII и XIX вв. стал его полным владельцем. Первоначально дом А.М. Серебренникова, видимо, напоминал вышеописанное здание, то есть был двухэтажный, с лавками в первом этаже.

Любопытно, что только в самом конце 1913 г. в доме Ф.А. Губичева расположилась гостиница. Официальное промысловое свидетельство на эксплуатацию «торгового предприятия, гостиницы с продажей крепких напитков» Ф.А. Губичев получил лишь 29 декабря 1913 г.

Видимо, в связи с устройством гостиницы внутренняя часть дома подверглась каким-то переделкам. Хотя прямые свидетельства об этом отсутствуют.

Таким образом, гостиница «Лион» просуществовала всего лишь четыре года, до революции. В 1917 г. дом Губичева был национализирован, и в нем разместился узкий исполнительный комитет. Именно в большом зале этой гостиницы 18 декабря 1917 г. состоялось провозглашение советской власти в Ростове.

Затем основную часть здания вплоть до 1980-х гг. занимала городская почта. Позже и вплоть до наших дней оно никак не используется и пребывает в плохом состоянии.

Как видим, в судьбе дома запечатлелись важные моменты истории города.

А. МЕЛЬНИК.

Из истории ростовских некрополей

Окончание.

Начало в «РС» № 132, 133

Практически сразу после закрытия монастырей (вопрос об уничтожении кладбищ пока не поднимался) местный совдеп решил разобрать на кирпич несколько городских храмов. Так, 29 ноября 1931 г., на заседании президиума Ростовского исполкома (протокол № 32) докладчик Шаров предложил сломать церковь Спаса-на-Песках (Спасо-Яковлевский монастырь), одну церковь в Петровском монастыре и колокольню Богоявленского-Авраамиева монастыря с целью использования материала для строительства машинно-тракторной станции

(МТС), цикорного комбината, бани и жилстроительной кооперации. Исполком поддержал предложение Шарова и постановил: «Ввиду того, что означенные церковные строения не представляют исторической ценности, кроме этого, использовать такие помещения не представляется возможным и они рушатся... горсовет считает целесообразным вышеуказанные церковные строения передать на слом для постройки МТС, обязав тов. Брудастова немедленно выехать в Москву и добиться разрешения этого вопроса перед Наркомпросом РСФСР». К счастью, этому плану не удалось осуществиться, и сегодня уцелевшие монастырские архитектурные памятники радуют глаз не только ростовцев, но и многих туристов, приезжающих в наш город.

С момента открытия кладбища между Московским и Борисоглебским трактами, на нем хоронили людей победнее, т.к. оно находилось за городом, и плата за «место» с родственниками умерших не взималась. В годы Великой Отечественной войны здесь были похоронены бойцы Красной Армии, скончавшиеся от ран в городских лазаретах. Кладбище использовалось по назначению до начала 1949 г., когда на заседании

Ростовского горисполкома от 5 января 1949 г. (протокол № 1) было принято решение о его закрытии с 10 января 1949 г. В связи с этим горисполком обязал управление благоустройства городского коммунального хозяйства «по закрытию городского кладбища сохранить в полной неприкосновенности, как земельный покров, так и все надмогильные надписи, ограды, памятники и ограды кладбища... до полной его ликвидации». В связи с закрытием этого кладбища горисполком отдал с 10 января 1949 г. новое место для кладбища «за железнодорожным полотном, в направлении, к кир-

пичному заводу».

В начале 1980-х гг. отведенное место для кладбища оказалось переполненным, поэтому было решено отвести для него новый участок за Ростовским оптико-механическим заводом, но он оказался непригоден для проведения массового захоронения. Учитывая это, место для кладбища было подобрано по левую сторону от дороги Ростов – Варницы, как раз напротив существовавшего. 5 февраля 1988 г. Ростовский районный исполнительный комитет Советов народных депутатов решением за № 45 (в соответствии с п. 2-м постановлением Совета Министров

СССР от 6 марта 1975 г. за № 199 «О выдаче государственных актов землепользователям на право пользования землей и п. 27-м инструкции о порядке составления, выдачи и хранения государственных актов на право пользования землей, разработанной и утвержденной Министерством сельского хозяйства СССР от 7 сентября 1976 г.) выделил комбинату коммунальных предприятий участок земли площадью 2 га для расширения городского кладбища (на основании распоряжения Совета Министров РСФСР от 23 сентября 1987 г. за № 1260-р).

К. СТЕПАНОВ.

Производственная функция крестьянской общины в ростовских огородных селениях, конец XVIII- 1-я половина XIX вв.

Производственную функцию крестьянской общины составляло важнейшее при ростовском малоземелье перераспределение надела, в частности, огородной земли и сенокоса.

В это время в селах Поречье и Ворже, Спасской (графской) слободе распределение «душ» земли у крестьян регулировалось помещичьим «Уложением» и происходило в строгом соответствии с его Главами. Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тягелоспособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла, круговой поруки, или ответственности за неплательщиков. Согласно «Уложению» графа В.Г. Орлова, вызволение бедных из нищеты было прямо возложено на зажиточных крестьян: «Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств снимать приличное число «душ», а земли от них за снятые «души» отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправить». «Кто владел землею на 3 «души» и положено будет снять с него «душу», или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые «души» накладывать на прожиточных... Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах».

В приозерных селениях черепословица, в силу занятий огородничеством, не играла той отрицательной роли, как при традиционном полевом земледелии. Имевшиеся в домохозяйстве несколько участков огородной земли лежали то в низменных, то воз-

вышенных местах, рационально использовались под посадку тех или иных овощных культур, трав. При коренном переделе в общинном землевладении в России, как известно, действовал принцип уравнительного распределения земли. Каждое «Поле» в зависимости от качества разделялось на несколько участков, распределявшихся по жребью между всеми крестьянами так, что каждый получал в каждом поле одну или несколько полос, а число последних после передела должно быть одинаково. Однако принцип общего передела земли в огородных селениях в изучаемый период уже не применялся. О неравномерности распределения земли здесь, применительно ко второй половине XIX в., писал Ленин в труде «Развитие капитализма в России». Для характеристики землепользования в ростовских огородных селениях он использовал опубликованную в 1887 г. на страницах Ярославских губернских ведомостей работу В.А. Давыдова: «Несмотря на «общину», неравномерность землепользования, например в селе Поречье очень велика: у одного на 4 души – 7 «огородов», у другого на 3 души – 17; объясняется это тем, что коренных переделов здесь не бывает; бывают только частные переделы, при чем крестьяне «свободно меняются» своими «огородами» и «делками». Как отмечал В.А. Давыдов, общих переделов земли не производилось более ста лет, т.е. с 1770 г. Частные переделы, называвшиеся «переверстками» повторялись с периодичностью один раз в три года.

Порядок проведения «переверстки» был следующим: в феврале на мирском сходе избиралась и особым приговором утверждалась комиссия в составе 10 домохозяев, заступающих в оплачиваемую должность «расклад-

чиков земли». Как правило, в комиссии избирались умудренные жизненным опытом старики, хорошо знавшие потребности каждого дома. Мирской приговор бурмистр отправлял в Московскую домовую контору на утверждение помещику. В деятельность комиссии Мир не вмешивался. Комиссия, на основе поданных крестьянами заявлений вызывала их, спрашивая, кто желал бы отказаться от надела, целиком, или от его части и тех, кто нуждался в его увеличении. Целиком от надела отказывались только те крестьяне, которые жили в городах много лет, на отхожем промысле. Причиной отобрания части надела, если, по мнению комиссии, домовладение имело его излишек, могла быть только недоминка, накопившаяся за несколько лет. Такими недоминками обычно являлись крестьяне-отходники, пренебрегавшие своей надельной землей, сдававшие ее в аренду односельчанам по договорной цене. Как правило, большинство крестьян-отходников старалось исправно вносить платежи за землю и вносило деньги в момент выправки паспорта, в феврале. Однако, оклад по земельному сбору вносился в декабре, поэтому комиссия, имея все основания могла снять часть надела, не ставя в известность хозяев. К крестьянам, исправно обрабатывавшим свою огородную землю, но накопившим недоминку в силу независимых от них обстоятельств Мир делал «послабления». Безземельных дворов не было. Захват земли без «переверстки» строго наказывался. Земля «своевольно взятая» отбиралась.

По итогам «переверстки» также составлялся мирской приговор, который бурмистр вотчины был обязан отправить в домовую контору на утверждение. Контора зачастую вносила в

«переверстку» существенные поправки уравнительного характера. 16 мая 1798 г. поречский бурмистр И. Маринин докладывал, что у крестьян, вдовы Подорвановой и Баженова, земли на одну душу отобраны, и земли им довольно. Однако контора вынесла решение, чтобы земля была возвращена тем, у кого отобрана, поскольку в «Уложении» не было «правила отбирать оную, то начальству и миру сделать выговор». Маринину было приказано доставить сведения «...у кого, на сколько душ отобрано, на кого та земля положена, какая она именно, огородная, полевая, или луговая, вновь рассмотреть дело, а об исполнении донести».

Распоряжения домовой конторы неоднократно подтверждали бурмистры, что наделение землей должно производиться строго в соответствии с «Уложением», а также по рассмотрению и приговору Мира. Зачастую при «переверстке» оказывалось значительное меньше земельных паев, которые комиссия решила снять с одних, чем паев, в которых нуждались другие. В данных обстоятельствах между домовладениями, нуждавшимися в земле, метался жребий. Не получившим прибавки в наделе приходилось или ожидать следующей «переверстки».

В 1-й четверти XIX в. складывается практика покупать, брать в аренду земельные участки у бедных. Несмотря на уравнительные меры, происходил процесс концентрации огородной земли в руках богатых. Например, в 1829 г., согласно «Книге договоров и согласий Поречского вотчинного правления», бедными крестьянами было продано одному лицу шесть участков за 500-700 руб. каждый. В 1830 г. было зарегистрировано три

таких сделки. Аренда и покупка земли способствовали расширению землевладения богатых огородников и носили предпринимательский характер. Важно отметить, что в качестве арендной платы имело место отбывание за владельца надела феодальных повинностей. В 1832 г. Иван Осинин передал Дмитрию Лисицыну огородную землю на четыре года «для обрабатывания оной земли... с тем условием, дабы оную землю удабривать навозом без упущения, притом окупать оброк и подушные и все денежные потребности по вотчинному правлению». Таким образом, богатые, занимавшиеся огородничеством в родных селах, брали в аренду и покупали наделы бедных. В последнем случае вотчинное правление требовало письменной регистрации сделки. Данное требование носило и социальную окраску - подтверждалась ее добровольность.

Подобно «переверстке» каждые три года в Поречье, Ворже, Спасской (графской) слободе между всеми домохозяевами по традиции перераспределялся покос. Перераспределение сенокосных угодий называлось «пережебывкой». В Поречье домохозяева группировались в соответствии с количеством «номеров» покоса в 120 «дворов», по 10 душ, или земельных паев в каждом. «Пережебывка» состояла в метании жребия - какой «номер» достанется «двору», или группе домохозяев в 10 душ. Для учета сенокосных угодий в вотчинном правлении велась «сенокосная книга», в которой были зафиксированы все «номера» с их пожнями. После перераспределения покосов в нее записывали каждый номер за старшим лицом той группы

домохозяев, которой он достался по жребью. Перед «пережебывкой» на нее избирался опытный пожилой домохозяин. После получения «номера» домохозяева внутри своего «двора» делили сено копнами, отдельно с каждой пожни, пропорционально количеству состоявших за каждым душевых наделов. Крестьяне-отходники, жившие десятками лет в городах, дома которых зачастую стояли в селениях пустые и «валились от ветхости», также не нуждались в покосе, сдавали свои «номера» проживавшим в селе односельчанам. В Поречье косили, как правило, наемные - поденщики, крестьяне соседних деревень. «Сами поречские крестьяне и не умеют. Прежде как передавали старожилы, даже считали за стыд выходить косить самим...».

Таким образом, в ростовских огородных селениях наблюдалось явное несоответствие между размерами огородного, сенокосного наделов и платежными способностями домохозяев. При той значительной роли отхожих и кустарных промыслов, какие они стали играть в огородных домохозяевах с последней четверти XVIII в., общине уравнительные переделы земельного фонда общины прекратились. Гибким регулятором перераспределения земли являлся регулярный частный передел, проводимый особой комиссией, решение которой через Мирской приговор утверждалось помещику. Несмотря на уравнительные меры, отчетливо проявилась тенденция к концентрации земли в руках богатых. Сделки купли, продажи, аренды земли, а также сенокосных угодий регистрировались в вотчинном правлении в специальных книгах.

А. МОРОЗОВ.